

Нестерова Е.Р.

DOI: 10.7256/2222-1972.2016.4.19659

При цитировании этой статьи сноска на doi обязательна

Некоторые особенности взаимодействия монголов и китайцев в правление Хубилай-хана (1260–1294)

Аннотация. В современном востоковедении монгольское завоевание в целом и деятельность хана Хубилая в частности являются объектами повышенного внимания. Предметом исследования данной статьи является влияние китайской цивилизации в рамках империи Юань на своих завоевателей. Задачей статьи является выяснение того, в каких сферах жизни наблюдался синтез культур, в каких китайское начало добилось преобладания над монгольским, а в каких подверглось монгольскому влиянию. Для понимания специфики этого периода было также необходимо рассмотреть некоторые обстоятельства восшествия Хубилая на престол. В ходе работы над статьей автор пользовался сравнительно-историческим и сравнительно-культурологическим методом, сопоставляя между собой имеющиеся сведения о состоянии различных сфер жизни Юаньской империи в годы правления Хубилая. Основными выводами проведенного исследования является следующее: Хубилай первым из монгольских правителей на деле попытался совместить монгольский и китайский жизненный уклад, при нем в систему управления и повседневную жизнь монголов-подданных Юань были привнесены многие китайские элементы. В то же время, имела место и обратная ситуация – монгольское влияние было заметно в китайском искусстве и языке.

Ключевые слова: Монголы, Китай, культура, управление, искусство, кочевники, оседлое население, культурное влияние, Хубилай, империя Юань.

Abstract. Modern East Asian studies pay special attention to the Mongolian conquest as such and the activity of Kublai Khan in particular. This article explores the influence of Chinese civilization on its conquerors in terms of Yuan dynasty. It aims to find out answers to the following questions: what aspects experienced the synthesis of cultures? Where did Chinese traits manage to prevail the Mongolian ones? Where the Chinese culture was under Mongolian influence? For better understanding of this period specifics the author discusses several circumstances of Kublai's enthronement. The author used comparative historical and comparative cultural methods while working on the article, juxtaposing different records on the development of various spheres in the Yuan Empire during the reign of Kublai Khan. These are the main conclusions of the article: Kublai was the first of Mongolian rulers who tried to combine Mongolian and Chinese lifestyles. Administration and Mongolian everyday life were enriched by Chinese elements. At the same time, the opposite trend was present as well, as Mongolians influenced the Chinese art and language.

Key words: mongols, China, culture, administration, art, nomad tribes, settled population, cultural impact, Kublai, Yuan Empire.

Монгольская империя почти на двадцать лет объединила в своих границах большую часть территории Евразии, от Китая до Руси. После того, как закончилась активная фаза вторжения с ее кровопролитными сражениями и уничтожением непокорных городов, отношения монголов-завоевателей с покоренным на-

селением складывались по-разному. Имея дело с разными завоеванными народами и территориями, монголы проявляли большую гибкость при создании местной монгольской администрации, учитывая в каждом отдельном случае особенности предшествовавших политических, экономических и культурных традиций отдельных регионов.

Статья подготовлена в рамках проекта «Причерноморье и Средиземноморский мир в системе отношений Руси, Востока и Запада в Средние века» (соглашение № 14–28–00213 между Российским научным фондом и МГУ имени М.В. Ломоносова).

Завоевание Китая стало одним из ключевых эпизодов создания монгольского государства. Оно было задумано ещё при жизни первых великих ханов, однако никто из них не успел в полной мере осуществить свой замысел. Ближе всех подошел к решению этой задачи великий хан Мункэ (1251–1259), который в рамках продолжения монгольской экспансии начал широкомасштабную операцию по наступлению на рубежи Южносунской империи. В 1255 г. его войска численностью тридцать туменов выступили в тщательно спланированный и заранее подготовленный поход [1, 145]. Однако летом 1259 г. великий хан неожиданно скончался [2, 289]. Хотя Рашид ад-Дин приводит другую дату, 1257 г. [1, 147], китайские источники в этом вопросе единогласны [2, 303, прим. 61]. Покорение южных земель вновь откладывалось, а Золотой род Чингис-хана столкнулся с очередным кризисом престолонаследия. Борьба младших братьев Мункэ Хубилая и Ариг-Буки породила глубокий раскол общества и, в конечном счете, положила конец существованию монгольской империи как единого государственного организма.

Хубилай впервые проявил себя в ходе военных операций, организованных его старшим братом Мункэ. Он успешно справился с задачей завоевания королевства Дали, выполняя стратегический план великого хана по взятию Южного Китая в окружение [3, 22; 2, 286]. Затем продолжал вести боевые действия против китайских войск вплоть до гибели великого хана. В частности, он осадил крупный город Эчжоу, и только известие о возведении на престол его младшего брата Ариг-Буки вынудило Хубилая снять осаду и заняться решением внутрисемейных проблем [2, 290].

Противостояние Хубилая и Ариг-Буки оказалось больше чем обыкновенной схваткой за власть. В нем нашло своё отражение столкновение двух диаметрально противоположных подходов к управлению завоеванными землями, двух противоречивых тенденций, на протяжении многих лет существовавших в монгольском обществе. Эта тема поднималась во многих исследованиях [4, 12–15; 5; 6, 421–422].

Возникли эти тенденции одновременно с началом успешных походов Чингис-хана против земледельческих государств. Одну можно назвать традиционной для кочевников-завоевателей: набег ради добычи, отсутствие попыток поменять собственный жизненный уклад, нещадная эксплуатация покоренного населения без оглядки на возможные экономические последствия. Сто-

ронники этой идеи, в частности, предлагали уничтожить всё население Северного Китая и превратить пахотные земли в пастбища. Чагатай, Гуюк, Хулагу, Ариг-Бука и большинство представителей старой знати придерживались именно таких взглядов [7, 28]. Их противники, напротив, полагали, что выгоднее обложить население сильными налогами, учитывая местную специфику быта и традиций управления. На этих позициях стояли Угэдэй, Мункэ, сам Хубилай [7, 28–29]. Видным идеологом второго направления был советник Чингиса и Угэдэя Елюй Чуцай [8, 11–29, 185–202; 9, 233–247; 3, 9–11].

Дополнительными аспектами конфликта между братьями были отношение к китайским владениям и легитимность избрания. Ариг-Бука по воле Мункэ был назначен наместником в Монголии [3, 44], и уже одно это давало ему основания претендовать на великоханский престол [10, 34], поскольку Монголия являлась для Чингисидов коренным юртом, который по традиции наследовал младший сын вместе со всем отцовским имуществом, оставшимся после того, как старшим братьям выделяли долю ещё при жизни родителя [11, 204].

Хубилай к 1259 г. уже долгое время владел собственным уделом в Северо-западном Китае и управлял им на новый лад: размеры регулярных налогов были строго фиксированы, их сбором ведали чиновники немонгольского происхождения [3, 14]. Среди его советников наряду с мусульманами и уйгурами были буддисты, конфуцианцы, выходцы из Тибета – всего около сорока человек [12, 59–61]. И хотя будущий великий хан старался не давать какой-либо группе преимущественного влияния, к их советам он внимательно прислушивался.

Ариг-Бука придерживался других взглядов. Данных о его окружении и управленческой деятельности почти не сохранилось, поскольку битву за власть он проиграл, а официальные историографы монгольских правителей не считали нужным записывать о нем какие-либо сведения, кроме информации о попытках узурпировать трон. Однако известно, что, уходя в поход, Мункэ поставил его во главе остающихся монгольских войск и поручил ему своего сына [1, 145]. Ариг-Бука был отважным воином, что высоко ценилось кочевниками, однако уступал старшему брату в уровне образования [10, 34]. С другой стороны, те представители монгольского общества, чьи интересы он представлял, не видели для правителя большой заслуги в зна-

нии китайского языка, сочинений китайских ученых и разных наук, не имеющих прямого отношения к степной жизни. Напротив, внимание Хубилая к ценностям и достижениям оседлой цивилизации было для них весьма тревожным сигналом.

Получив известия о смерти Мункэ, Ариг-Бука, пользуясь тем, что он уже находился в Монголии, созвал курултай, который в 1260 г. признал его великим ханом. На этот курултай явились многие царевицы [1, 159]: сыновья Мункэ Асутай и Уренгташ, племянник Чагатай Алгу, сыновья Тогачара (внук Тэмугэ Отчигина, младшего брата Чингиса), Кадана (сын Угэдэя), Орды (сын Джочи), Бельгутая (младший единокровный брат Чингиса). Сторону Ариг-Буки приняла и вдова Мункэ [13, 323]. В ответ на это Хубилай, опираясь на верные ему войска, в том же году созвал собственный курултай в Кайпине [10, 160]. Надо сказать, что не все исследователи признают такую последовательность событий. У некоторых авторов первым курултай созвал как раз Хубилай [2, 293; 14, 124; 3, 53–54; 6, 423]. При этом они ссылаются на «Юань ши». Большинство же авторов принимают версию, изложенную Рашид ад-Дином, согласно которой Хубилай короновался вторым. «Юань ши» (История династии Юань) составлялась сразу после изгнания монголов из Китая, в 1369 г. Вся работа заняла чуть больше года. Коллектив ученых опирался на целый ряд архивных документов, охватывавших правление всех юаньских императоров [8, 173]. Между тем, «Сборник летописей» Рашид ад-Дина был написан уже в 1301–1311 гг. [15, 27]. Это, на наш взгляд, делает его записи более достоверными. При этом, однако, не стоит забывать, что Рашид ад-Дин был лицом официальным, состоял на службе у монголов, и следовательно, должен был излагать версию, одобряемую властями.

Как бы то ни было, в монгольских владениях сложилась система двоевластия [3, 46–62; 16, 111–131]. Четыре года длилось вооруженное противостояние двух братьев, подробно описанное у Рашид ад-Дина [1, 161–165] и закончившееся полным поражением Ариг-Буки и его сдачей на милость победителя в 1264 г.

Исследователи по-разному оценивают обстоятельство победы Хубилая. Одни считают, что правда была на его стороне, что он выбрал единственный возможный путь сохранения империи [16, 121], в то время как Ариг-Бука действовал исключительно ради корыстного интереса, не считаясь с существующими правилами [16, 120].

Такого мнения придерживается автор одного из главных источников по тому времени – Рашид ад-Дин. Впрочем, у него не было выбора, поскольку он был придворным династии Чингисидов в Иране и не мог демонстрировать симпатии в адрес проигравшего претендента на престол, тем более что создатель государства иль-ханов Хулагу подерживал Хубилая. Рашид ад-Дин описывал, как Ариг-Бука начал готовить вооруженное выступление, как пытался усыпить бдительность брата любезными речами и подарками, как Хубилай был вынужден принять власть по настоянию своих приближенных [1, 159–160]. Из современных историков эту точку зрения разделяют М. Россоби [3, 55], Д. Мэн [16, 119–122], Н.П. Свистунова [2, 293], А.Ш. Кадырбаев [12, 57].

Другие пишут, что, «подкупом переманив на свою сторону незначительную часть монгольских князей, Хубилай незаконно созвал на окраине Монгольской империи, в Кайпине, другой курултай, на котором самозвано провозгласил себя великим ханом» [13, 325], в то время как Ариг-Бука взшел на престол «соответственно старинной монгольской феодальной традиции» [13, 325]. К этой группе относятся Ю.И. Дробышев [17, 138], Н.Н. Крадин [18, 368–369], В.В. Трепавлов, прямо называющий Хубилая узурпатором [19, 106], Д. Чулууны [10, 173], коллектив авторов «Истории Монгольской Народной республики» [20, 130], И. де Рахевильц, который отмечал, что Ариг-Бука стал великим ханом вполне законно [21, 90].

Проведение курултая не на территории Монголии было многозначительным шагом, показавшим, куда переместится центр тяжести империи, если власть удержит в своих руках Хубилай. Кайпин строился в 1255–1259 гг. с ведома и согласия великого хана Мункэ, однако если он рассматривал его в качестве административного центра для захваченных китайских территорий, то Хубилай имел далеко идущие планы. Город возводился в соответствии с принципами китайского учения фэн-шуй [3, 31], что не было характерно для монгольских завоевателей.

После победы над Ариг-Букой Хубилай построил также новую столицу, Даду (Ханбалык), на месте современного Пекина [3, 131]. Согласно сообщению Рашид ад-Дина, это был большой и хорошо укрепленный город, стены которого имели семнадцать башен [1, 174]. Ещё более подробно описывает возведенные при Хубилае города Марко Поло [22, 90, 93, 95]. Каракорум, считавшийся столицей империи с 1220 г., стре-

нительно утрачивал своё значение. Не последнюю роль в этом сыграл тот факт, что в годы боевых действий стала очевидна абсолютная зависимость города от внешних поставок продовольствия. Рашид ад-Дин отмечал, что ещё в годы правления Угэдэй-хана «ежедневно туда прибывали из областей пятьсот повозок, груженных съестными припасами и напитками» [1, 41]. Стоило Хубилаю перекрыть поток провианта из Северного Китая, как в Каракоруме начался голод и волнения [1, 161], вынудившие Ариг-Буку искать победы в открытом бою.

Итак, кратко причины конфликта можно сформулировать словами Д. Лэйна: «сторонникам Ариг-Буки ... казалось, что Тулуиды слишком сблизилась с народами, которыми они управляли – с китайцами и персами» [23, 9]. Возможно, он был не так уж и неправ: Хубилай, ведя дела со своими китайскими подданными, проявлял замечательную политическую гибкость. Интересную мысль в связи со всем вышесказанным озвучил Д. Флэтчер. По его мнению, если бы в монгольской среде восторжествовали традиционные ценности, сохранился бы кочевой образ жизни и соответствующий подход к завоеванным землям, единый организм огромной империи оказался бы гораздо более живучим, в то время как, став на путь принятия культурных ценностей покоренных цивилизаций, монголы утратили единство, превратились в разрозненные народы отдельных государств, результатом чего и явился распад империи [24, 250].

Однако полного торжества китайских ценностей не произошло. Четыре года военных действий завершились победой Хубилая и скоропостижной смертью мятежного брата через пару лет после поражения. Есть основания полагать, что Ариг-Бука был отравлен [16, 130; 6, 424].

Важно подчеркнуть: со смертью Ариг-Буки борьба кочевого и земледельческого образа жизни не закончилась. Во главе сторонников традиционного подхода к завоеванным землям встал Хайду, внук Угэдэя, бывший союзник Ариг-Буки, человек «умный, способный и хитрый» [1, 13]. Он участвовал в заговоре против хана Мункэ, был за это сослан и чудом избежал казни [10, 47]. Хубилай так и не смог нанести ему окончательное поражение, а их борьба неоднократно становилась объектом научного исследования [1, 13–170; 25, 578–584; 13, 328–330; 10, 48–50]. Точку в этом споре удалось поставить только Тэмур-хану (внук и наследник Хубилая, правил в

1295–1307 гг.) в 1301 г. [1, 13]. Сам Хайду в тот год был смертельно ранен в сражении [1, 212].

Об отношении Хайду к оседлому образу жизни наглядно говорит тот факт, что на одном из курултаев среди своих союзников он наказал им «жить в горах и степях, не подходить к городам» [25, 583]. В то же время, он запрещал пасти скот на засеянных полях и излишне обирать население [25, 583]. Его владения в Средней Азии, включавшие в себя часть улуса Чагатая и часть улуса Угэдэя, демонстрировали заметную политическую устойчивость, Хайду расширил их границы, с его мнением считались и Джочиды, и Чагатаиды.

В момент наивысшего расцвета монгольского государства монголы оставались немногочисленным народом. По приблизительным подсчетам Н.Ц. Мункуева, к началу XIV в. общая численность монголов во всех частях мировой империи (то есть в четырех улусах – Джочи, Чагатая, Хулагу и Хубилая) составляла около 1,5 млн. человек [7, 14]. На долю китайских владений Хубилая приходится и того меньше. В то же время, в Северном Китае в середине XIII в. по результатам переписи было учтено свыше 1,8 млн. дворов [8, 46], а каждый двор – это, по меньшей мере, 5 человек. Добавить сюда Южный Китай – густонаселенный, процветающий, не страдавший от нескольких веков вторжений, перешедший под власть монголов не в годы правления Чингиса, когда непокорные города вырезались полностью, а при Хубилае, сознававшем экономическую ценность живых подданных. Получается около 60 млн. человек [18, 426]. Монголы были каплей в китайском людском море, и Хубилай понимал это. Возможно, даже лучше, чем это казалось его соратникам.

С одной стороны, страх старой кочевой аристократии перед обращением к земледельческим ценностям, оказался оправдан. Хубилай не только прислушивался к китайским советникам. Он провозгласил себя китайским императором и дал своей династии имя Юань (元) в соответствии с китайской традицией. С другой стороны, он разделил своих подданных на несколько социальных групп [26, 366–367; 27, 257; 6, 428]. Сначала их было три: монголы (наивысшая, самая привилегированная часть общества, имеющая собственный суд, налоговые льготы и право носить оружие), *сэмужень* 色目人, дословно «люди с цветными глазами» (все союзники монголов не китайского происхождения; к *сэмужень* относились Махмуд Ялавахи, Марко Поло), *ханьжэнь* 汉人 (китайцы Северного Китая, кидани, чжурчжэни).

Со временем сюда ещё добавилась группа *нань-жэнь* 南人 (жители Южного Китая, самый бесправный и самый многочисленный слой населения).

Практика привлечения чиновников из среды покоренного оседлого населения началась ещё при Чингис-хане. Одним из наиболее известных его советников был Елюй Чуцай. Киданин по происхождению, он получил классическое китайское образование, знал китайский, киданьский, чжурчжэньский и монгольский языки и двадцать пять лет верой и правдой служил Чингису и Угэдэю (с 1218 по 1243 гг.) [8, 14].

Хубилай следовал примеру великого деда. Среди его советников следует назвать буддийских монахов Хай Юня и Лю Бинчжуна, конфуцианца Яо Шу, ученика и последователя Елюй Чуцай Сун Цзычжэня, племянника тибетского ламы Пагба-ламу. Как видим, там нашлось место не только китайцам. Краткое рассмотрение их биографий дает некоторое представление о том, какими людьми окружил себя Хубилай и к чьим советам прислушивался.

Хай Юнь родился в 1203 г. В 1219 г. он впервые встретился с монголами, когда войска под предводительством Мухали взяли город Ланьчжоу. В последующие годы он странствовал по завоеванным землям и к 1222 г. сделался одним из наиболее выдающихся буддийский лидеров Северного Китая, где он и познакомился с Елюй Чуцаем, который в дальнейшем оказывал ему своё покровительство. С Хубилаем Хай Юнь впервые встретился в 1242 г. и в ходе этой встречи произвел на будущего великого хана большое впечатление. Усилиями Хай Юня буддийские монахи Северного Китая были освобождены от податей и повинностей. И хотя надолго Хай Юнь при особе царевича не задержался, возвратившись в скором времени в свой храм в Пекине, тесная связь его с Хубилаем сохранилась: когда в 1243 г. у Хубилая родился сын, именно Хай Юнь дал ему имя – Чжень-цзинь (кит. 真金 «чистое золото», в монгольском варианте Джинким) [21, 224–240].

Яо Шу родился в 1203 г. в семье чиновников и получил отличное конфуцианское образование [21, 387–400]. Известно, что вскоре после 1233 г. он оказался в Каракоруме на приеме у великого хана Угэдэя, который охотно беседовал с китайскими учеными. В 1251 г. Хубилай пригласил Яо Шу ко двору в свой негласный совет [21, 390]. Усилия Яо Шу были направлены на то, чтобы убедить Хубилая в необходимости великодушно-го управления страной в соответствии с конфуцианскими идеалами и по возможности сгладить

последствия хаоса, наступившего после монгольского вторжения. Принимая деятельное участие в организации похода против королевства Дали, Яо Шу убедил Хубилая не проливать крови без крайней нужды. Во многом благодаря его советам Дали удалось взять быстро, без потерь, и авторитет Хубилая в глазах соратников значительно вырос. Другим достижением Яо Шу было быстрое восстановление хозяйства на перешедших под власть Хубилая территориях. Когда Хубилай выступил в первый поход против Южных Сунов, Яо Шу отправился вместе с ним в качестве военного советника. Ещё одним важным аспектом деятельности Яо Шу был надзор за образованием принцев. Однако в середине 1270-х гг. влияние Яо Шу и его китайских коллег стремительно пошло на спад на фоне конфликта с ханским советником Ахмедом [1, 186–190; 22, 97–100].

Лю Бинчжун родился в 1216 г. [21, 241–261]. Огромная эрудиция Лю Бинчжуна произвела впечатление на Хай Юня, который в 1238 г. пригласил юношу сопровождать его ко двору Хубилая, что стало поворотным моментом в жизни Лю Бинчжуна. Со временем он стал одним из самых влиятельных советников при монгольском дворе. Примечателен дуализм воззрений Лю Бинчжуна: будучи в частной жизни убежденным буддистом, он никогда не позволял своим религиозным убеждениям прорываться наружу в вопросах служебных; в качестве официального лица Лю Бинчжун все силы прилагал к перестройке монгольского типа правления по конфуцианскому образцу [21, 247]. В частности, он подробно изложил Хубилаю основные правила поведения китайского императора и составил пространную программу по организации управления китайскими землями, включавшую в себя разделение ведомств по военным и гражданским вопросам, снижение и фиксацию налогов, совершенствование судебной системы, унификацию мер веса, восстановление школ и экзаменов на государственную службу, реформу календаря. Хотя Хубилай и не имел на тот момент полномочий для ее реализации, тем не менее, сама программа произвела на будущего хана огромное впечатление. Кроме того, Лю Бинчжун посоветовал Хубилаю составить историю династии Цзинь [21, 249] – что само по себе должно было стать знаковым событием, поскольку вновь воцарявшиеся в Поднебесной династии традиционно записывали историю своих предшественниц. А это означает, что Лю Бинчжун видел в Хубилае реального кандидата

на китайский императорский престол. После избрания Хубилая великим ханом Лю Бинчжун восстановил для него придворный церемониал, а также посоветовал дать вновь основанной династии китайское имя, предложив Да Юань – 大元, «Великая Юань» [21, 261].

Одним из примечательных результатов сотрудничества Хубилая и его верного советника некоторые исследователи считают строительство в 1256 г. Кайпина, ставшего со временем летней резиденцией юаньских императоров. Местоположение города – во Внутренней Монголии, но при этом в десяти днях езды от Пекина, – говорило о многом: с одной стороны, это были монгольские земли, с другой, Хубилай ясно давал понять, что всё больше и больше обращается к своим оседлым подданным. Это проявлялось в целом ряде признаков, начиная с названия города и заканчивая его планировкой, традиционной для Китая. Лю Бинчжун участвовал в осуществлении проекта от начала до конца [6, 419]. А несколькими годами позже, в 1267 г., Хубилай привлек его к строительству новой столицы своих владений – Даду, известного по записям Марко Поло как Ханбалык [22, 93].

Еще одному советнику Хубилая, Сун Цзычжэню, считавшему себя учеником Елюй Чуцая, принадлежали идеи создания управления надзора за делами чиновников, отмены наследования должностей, учреждения школ для детей чиновничества [8, 32]. И хотя далеко не все было реализовано – например, экзаменационная система при Хубилае так и не была восстановлена, – многие его начинания встречали со стороны великого хана одобрение и поддержку.

Отношения между Хубилаем и его китайскими советниками впервые претерпели серьезные изменения после 1262 г. В том году на территории Северного Китая, в провинции Шаньдун, местный китайский военачальник Ли Тань, прежде верно служивший Мункэ в ходе его операций против Южных Сунов, а после смерти великого хана продолжавший пользоваться доверием и помощью Хубилая, поднял восстание, намериваясь захватить находящиеся под его контролем земли и, вероятно, создать собственное государство [16, 128]. И хотя мятеж был быстро подавлен, Хубилай пришел к выводу, что полностью доверять представителям завоеванного народа нельзя [21, 257]. После этого хан по-прежнему обращался за советами к Лю Бинчжуну и его коллегам, но число советников не китайского происхождения начало расти.

Хубилай считал нужным объединить все подвластные ему народы в некий единый государственный организм. Объявив своей официальной религией ламаизм, продолжая проводить политику общей веротерпимости, великий хан не мог рассчитывать, что именно религия сплотит всех его подданных – представители конфуцианства, буддизма, христианства, ислама пользовались его покровительством и полагали его своим сторонником [12, 62–63], однако эта религиозная пестрота не могла быть залогом единства. Кроме того, Хубилай сознавал огромную разницу в культурном уровне развития этих народов. Оставалась административная сфера – такими огромными массами населения следовало управлять по единым правилам. Но тут возникло новое препятствие: языковой барьер. Монголы пользовались вертикальным письмом, которое позаимствовали у уйгуров ещё при жизни Чингис-хана. У китайцев, чжурчженей, тангутов, тибетцев существовали собственные виды письма. Все они совершенно не сочетались между собой, поэтому Хубилай поставил перед своим выдающимся советником Пагба-ламой [21, 646–654] задачу выработать такую письменность, которая отвечала бы потребностям языков всех подданных империи Юань. «Принятие квадратного алфавита, по-видимому, увязывалось с политическими целями Хубилая, который намеревался ввести уйгуро-монгольский алфавит не только в Монголии, но и во всей империи Юань и сделать его основным» [10, 154]. В 1269 г. Пагба-лама завершил свою работу [20, 140]. Эту письменность предполагалось использовать, в том числе, и для китайского языка.

Современные исследователи не пришли к единому мнению относительно качества этого алфавита. Монгольский историк Д. Чулууны отзывался о нем весьма негативно [10, 154]. В то же время, А.Ш. Кадырбаев [12, 70], Ж.К. Туймбаев [28, 271], И.Т. Зограф [29, 13], М. Россоби [3, 157], коллектив авторов «Кембриджской истории Китая» [6, 466] отмечают высокую точность звукопередачи и приспособленность к особенностям всех имеющихся в государстве языков. Однако вопреки надеждам Хубилая нововведение не прижилось: представители завоеванных народов не хотели отказываться от родной письменности в пользу общегосударственной. Алфавит «не распространился сколько-нибудь далеко за пределы дворцов юаньских хаганов» [10, 154] и был забыт после свержения династии. Попытка объединить монголов, ки-

тайцев и других подданных империи с помощью единой формы письма провалилась.

Последствия завоевания ощущались в сфере декоративно-прикладного и изящного искусства. Не имея собственных технологий, сопоставимых по уровню развития с китайскими, монгольская элита поддерживала местных мастеров. При монголах успешно продолжали своё развитие фарфоровое дело [30, 705–706], стекольное литье [30, 782], ювелирное и эмальерное дело [30, 287–289].

В качестве трофея Хубилай забрал в Ханбалык картинную галерею сунских императоров и сделал ее основой собственной коллекции [12, 68]. Он проявлял большой интерес к живописи, покровительствовал художникам и каллиграфам. Впервые каллиграфические надписи стали появляться в картинах в качестве самостоятельного элемента [31, 289]. Претерпели некоторое изменение и сюжеты: художники всё чаще изображали лошадей, всадников и сцены охоты, что соответствовало вкусам правящей элиты [31, 290]. В то же время, они часто заимствовали сюжеты из живописи эпохи Тан, выполняя тем самым самими на себя возложенную миссию убеждать культуру под властью иноземцев [30, 620–628]. Результатом такого своеобразного пути развития стал высокий качественный уровень юаньской живописи, и мастера последующих эпох нередко обращались к ней для подражания и копирования [31, 292].

Начался расцвет театра. При монголах этот вид искусства получил широкое признание среди элиты. О представлениях, показываемых на ханском пиру, писал Марко Поло [22, 101]. При этом существенно возросло качество сочиняемых произведений, поскольку лишённые возможности реализовать себя на государственной службе образованные конфуцианцы нередко находили в драматургии возможность самовыражения [32, 5–7]. Юаньская драма по праву считается вершиной китайского средневекового театрального искусства, завершая продолжительный этап развития, начало которого относится ещё к эпохам Тан и Сун [32, 44–59].

Заметным оказался синтез в сфере медицины. Китайские традиции врачевания обогатились опытом, привнесённым кочевниками, а впоследствии в таком усовершенствованном виде распространились дальше по территории империи, в частности, проникнув в Тибет [23, 138–139; 33, 145–149]. А китайская научная мысль в годы правления Юань пришла в сопри-

косновение с европейской, что оказалось весьма плодотворно [34, 116].

Позиционируя себя в качестве правителя оседлого народа, Хубилай восстанавливал привычную для городского населения жизнь, нарушенную монгольским вторжением. Марко Поло оставил красочные описания городов времен первого юаньского императора. В частности, там упоминаются городские бани – «самые красивые, самые лучшие и самые просторные в свете; они так просторны, что зараз тут могут мыться сто мужчин или сто женщин» [22, 148]. До прихода в Китай бани были монголам неизвестны.

В то же время, в быту Хубилай сохранил некоторые черты, характерные для кочевой жизни. Марко Поло пишет, что в Кайпине у великого хана имелся большой бамбуковый разборный дворец [22, 87]. Любимым развлечением Хубилая была охота – с собаками, с ловчими птицами, облавная [22, 105–107]. Охоте он посвящал несколько месяцев в году, и это тоже оставалось данью монгольским традициям. Охота была средством тренировки и поддержания в форме воинских навыков (скачка в погоне за зверем, стрельба из лука на полном скаку).

Подведем итоги. Монголы вторглись на территорию Китая ещё при Чингис-хане, однако лишь его внуку Хубилаю удалось завершить покорение страны, объединив под своей властью северные и южные земли. Будучи дальновидным политиком, Хубилай осознавал, что китайские советники его предшественников говорили правду: «Можно покорить империю, сидя на коне, но нельзя с коня управлять ею». Необходимость привлекать к административной работе опытных образованных китайских чиновников была очевидна. Так же Хубилаю был очевиден тот факт, что центр тяжести Монгольской империи должен сместиться в густо населенный и экономически развитый Китай. Ещё прежде, чем занять великоханский престол, Хубилай четко обозначил это своё намерение, построив город Кайпин на границе Китая и Монголии, а затем организовав курултай для провозглашения себя великим ханом на китайской земле. Удел Хубилая находился в Китае, сам он участвовал в военных операциях против Южных Сунов, плацдармом для которых стал Северный Китай. Поэтому неудивительно, что в последовавшей за смертью хана Мункэ усобице он смог опереться на китайские людские и экономические ресурсы, что в конечном итоге стало одной из причин его победы.

Однако воцарение Хубилая сопровождалось столкновением его взглядов с позициями старой кочевой знати, не желавшей сближения с китайской культурой. Хубилаю пришлось сражаться сначала с Ариг-Букой, затем с Хайду.

Хубилай отдавал себе отчет, что полная ассимиляция монголов китайским этносом вполне возможна. При нем был предпринят ряд мер по отделению монголов от остального населения империи. Были введены четыре социальные группы – монголы, *сэмужэнь*, *ханьжэнь* и *наньжэнь*. Китайцы в массе своей были отстранены от управления, высоких должностей, им было запрещено носить и хранить оружие. Кроме того, Хубилай предпринял попытку ввести новое универсальное письмо, чтобы не осуществлять делопроизводство на китайском языке. Однако всё равно китайское влияние на систему государственного управления было чрезвычайно велико. Китайские советники разъясняли великому хану суть конфуцианских принципов управле-

ния страной, привнесли в его жизнь элементы традиционных китайских церемоний. Хубилай принял многие нововведения, хотя кое от чего отказался: в частности, от экзаменационной практики, которую его китайские советники настоятельно рекомендовали возродить. Восстановление экзаменов на замещение государственных должностей дало бы китайским кандидатам немалое преимущество перед монгольскими. На это Хубилай пойти не смог.

В то же время результатом монгольского завоевания стали заметные изменения в изобразительном искусстве, литературном творчестве и научной мысли, и это позволяет утверждать, что взаимодействие монгольской и китайской культуры не было односторонним.

Повседневная жизнь рядовых монголов практически никакому влиянию не подверглась – исключением можно назвать введение бумажных денег и распространение городских бань. Так что китаизация коснулась в первую очередь элиты.

Библиография:

1. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Под ред. И.П. Петрушевского, пер. Ю.П. Верховского, прим. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова. Т. 2. М.: Издательство АН СССР, 1960. 214 с.
2. Свистунова Н.П. Гибель Южносунского государства // Татаро-монголы в Азии и Европе / Под ред. С.Л. Тихвинского. М.: Наука, 1977. С. 282–305.
3. Rossabi M. Khubilai-Khan. His life and times. Berkeley: University of California Press, 1988. 326 p.
4. Петрушевский И.П. Рашид ад-Дин и его исторический труд // Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.: издательство АН СССР, 1952. С. 7–37.
5. Мункуев Н.Ц. О двух тенденциях в политике первых монгольских ханов в Китае в первой половине XIII в. // Труды БКНИИ СО АН СССР. 8. Серия востоковедения. Улан-Удэ, 1962. С. 49–67.
6. Fairbank J.K., Twitchett D. The Cambridge History of China. Vol. 6. NY: Cambridge University Press, 2006. 776 p.
7. Мункуев Н.Ц. Некоторые проблемы истории монголов XIII в. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1970. 36 с.
8. Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М.: Наука, 1965. 223 с.
9. Prawdin M. The Mongol Empire. Its Rise and Legacy. London: George Allen and Unwin LTD, 1941. 581 p.
10. Чулууны Д. Монголия в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1983. 232 с.
11. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Восточная литература, 1997. 318 с.
12. Кадырбаев А.Ш. Хубилай-хан – завоеватель или объединитель Китая? // Общество и государство в Китае. Материалы 39 научной конференции / Под ред. А.А. Бокщанина. М.: Восточная литература, 2009. С. 56–75.
13. Далай Ч. Борьба за великоханский престол при Хубилае и его преемниках. // Татаро-монголы в Азии и Европе / Под ред. С.Л. Тихвинского. М.: Наука, 1977. С. 323–334.
14. Jackson P. The Mongols and the West. Edinburgh: Pearson Longman, 2005. 414 p.
15. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Под ред. А.А. Семенова, пер. Л.А. Хетагурова. Т. 1. М.: издательство АН СССР, 1952. 281 с.
16. Мэн Д. Хубилай. От Ксанаду к сверхдержаве. М.: АСТ Москва, 2008. 411 с.
17. Дробышев Ю.И. Мандат Неба в руках монголов. // Basileus. Сборник статей в честь 60-летия Д.Д. Васильева / Под ред. И.В. Зайцева. М.: Восточная литература, 2007. С. 137–156.
18. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, 2006. 557 с.
19. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи. М.: Восточная литература, 1993. 166 с.
20. Жуков Е.М., Ширендыб Б., Губер А.А., Нацагдорж Ш., Ким Г.Ф., Пэрлэ Х., Дылыков С.Д., Бира Ш. История Монгольской Народной Республики. М.: Наука, 1967. 537 с.
21. Rachewiltz I. de. In the Service of the Khan. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1993. 808 p.
22. Марко Поло. Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустичано / Пер. И.П. Минаева, вступ. ст. И.П. Магидовича. Алма-Ата: Наука, 1990. 352 с.
23. Lane G. Daily life in the Mongol empire. Westport: Greenwood Press, 2006. 312 p.
24. Флэтчер Д. Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы. // Монгольская империя и кочевой мир / Под ред. Б.В. Базарова, Н.Н. Крадина, Т.Д. Скрынниковой. Улан-Удэ: издательство Бурятского научного центра СО РАН, 2004. С. 212–253;
25. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. М.: Восточной литературы, 1963. 760 с.

26. Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн / Под ред. Шан Юэ. М.: Восточная литература, 1959. 579 с.
27. Никифоров В.Н. Очерк истории Китая. М.: Институт Дальнего Востока, 2002. 448 с.
28. Туймебаев Ж.К. Диагностические признаки выделения тюркских заимствований в письменных памятниках монгольских языков // Basileus. Сборник статей в честь 60-летия Д.Д. Васильева / Под ред. И.В. Зайцева. М.: Восточная литература, 2007. С. 255–281.
29. Зограф И.Т. Монгольско-китайская интерференция. Язык монгольской канцелярии в Китае. М.: Наука, 1984. 147 с.
30. Кравцова М.Е. История искусства Китая. СПб.: Лань, 2004. 993 с.
31. Кучера С. Проблема преемственности культурной традиции при династии Юань. // Роль традиций в истории и культуре Китая / Под ред. Л. Васильева. М.: Наука, 1972. С. 276–308.
32. Сорокин В.Ф. Китайская классическая драма XIII – XIV вв. М.: Наука, 1979. 334 с.
33. Еремеев В.Е. Цзинь-юаньская реформа в традиционной китайской медицине // Общество и государство в Китае. Материалы 41 научной конференции / Под ред. А.А. Бокшанина. М.: Восточная литература, 2011. С. 145–148.
34. Ratchnevsky P. Zur Bedeutung des Mongolensturmes für China // Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. 9. Berlin, 1959. S. 113–117.

References (transliterated):

1. Rashid ad-Din. Sbornik letopisei / Pod red. I.P. Petrushevskogo, per. Yu.P. Verkhovskogo, prim. Yu.P. Verkhovskogo i B.I. Pankratova. T. 2. М.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960. 214 с.
2. Svistunova N.P. Gibel' Yuzhnosunskogo gosudarstva // Tataro-mongoly v Azii i Evrope / Pod red. S.L. Tikhvinskogo. М.: Nauka, 1977. S. 282–305.
3. Rossabi M. Khubilai-Khan. His life and times. Berkeley: University of California Press, 1988. 326 p.
4. Petrushevskii I.P. Rashid ad-Din i ego istoricheskii trud // Rashid ad-Din. Sbornik letopisei. М.: izdatel'stvo AN SSSR, 1952. S. 7–37.
5. Munkuev N.Ts. O dvukh tendentsiyakh v politike pervykh mongol'skikh khanov v Kitae v pervoi polovine XIII v. // Trudy BKNII SO AN SSSR. 8. Seriya vostokovedeniya. Ulan-Ude, 1962. S. 49–67.
6. Fairbank J.K., Twitchett D. The Cambridge History of China. Vol. 6. NY: Cambridge University Press, 2006. 776 p.
7. Munkuev N.Ts. Nekotorye problemy istorii mongolov XIII v. Avtoref. diss. ... dokt. ist. nauk. М., 1970. 36 s.
8. Munkuev N.Ts. Kitaiskii istochnik o pervykh mongol'skikh khanakh. М.: Nauka, 1965. 223 s.
9. Prawdin M. The Mongol Empire. Its Rise and Legacy. London: George Allen and Unwin LTD, 1941. 581 p.
10. Chuluun D. Mongoliya v XIII–XIV vv. М.: Nauka, 1983. 232 s.
11. Kychanov E.I. Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov. М.: Vostochnaya literatura, 1997. 318 s.
12. Kadyrbaev A.Sh. Khubilai-khan – zavoevatel' ili ob'edinitel' Kitaya? // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. Materialy 39 nauchnoi konferentsii / Pod red. A.A. Bokshchanina. М.: Vostochnaya literatura, 2009. S. 56–75.
13. Dalai Ch. Bor'ba za velikokhanskii prestol pri Khubilae i ego preemnikakh. // Tataro-mongoly v Azii i Evrope / Pod red. S.L. Tikhvinskogo. М.: Nauka, 1977. S. 323–334.
14. Jackson P. The Mongols and the West. Edinburgh: Pearson Longman, 2005. 414 p.
15. Rashid ad-Din. Sbornik letopisei / Pod red. A.A. Semenova, per. L.A. Khetagurova. T. 1. М.: izdatel'stvo AN SSSR, 1952. 281 s.
16. Men D. Khubilai. Ot Ksanadu k sverkhderzhave. М.: AST Moskva, 2008. 411 s.
17. Drobyshev Yu.I. Mandat Neba v rukakh mongolov. // Basileus. Sbornik statei v chest' 60-letiya D.D. Vasil'eva / Pod red. I.V. Zaitseva. М.: Vostochnaya literatura, 2007. S. 137–156.
18. Kradin N.N., Skrynnikova T.D. Imperiya Chingis-khana. М.: Vostochnaya literatura, 2006. 557 s.
19. Trepavlov V.V. Gosudarstvennyi stroi Mongol'skoi imperii. М.: Vostochnaya literatura, 1993. 166 s.
20. Zhukov E.M., Shirendy B., Guber A.A., Natsagdorzh Sh., Kim G.F., Perle Kh., Dylykov S.D., Bira Sh. Istoriya Mongol'skoi Narodnoi Respubliki. М.: Nauka, 1967. 537 s.
21. Rachewiltz I. de. In the Service of the Khan. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1993. 808 p.
22. Marko Polo. Kniga Marko Polo o raznoobrazii mira, zapisannaya pizantsem Rustichano / Per. I.P. Minaeva, vstup. st. I.P. Magidovicha. Alma-Ata: Nauka, 1990. 352 s.
23. Lane G. Daily life in the Mongol empire. Westport: Greenwood Press, 2006. 312 p.
24. Fletcher D. Srednevekovye mongoly: ekologicheskie i sotsial'nye perspektivy. // Mongol'skaya imperiya i kochevoi mir / Pod red. B.V. Bazarova, N.N. Kradina, T.D. Skrynnikovi. Ulan-Ude: izdatel'stvo Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN, 2004. S. 212–253;
25. Bartol'd V.V. Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestiya // Sochineniya. T. 1. М.: Vostochnoi literatury, 1963. 760 s.
26. Ocherki istorii Kitaya s drevnosti do «opiumnykh» voim / Pod red. Shan Yue. М.: Vostochnaya literatura, 1959. 579 s.
27. Nikiforov V.N. Ocherk istorii Kitaya. М.: Institut Dal'nego Vostoka, 2002. 448 s.
28. Tuimebaev Zh.K. Diagnosticheskie priznaki vydeleniya tyurkskikh zaimstvovaniy v pis'mennykh pamyatnikakh mongol'skikh yazykov // Basileus. Sbornik statei v chest' 60-letiya D.D. Vasil'eva / Pod red. I.V. Zaitseva. М.: Vostochnaya literatura, 2007. S. 255–281.
29. Zoграф I.T. Mongol'sko-kitaiskaya interferentsiya. Yazyk mongol'skoi kantselyarii v Kitae. М.: Nauka, 1984. 147 s.
30. Kravtsova M.E. Istoriya iskusstva Kitaya. SPb.: Lan', 2004. 993 s.
31. Kuchera S. Problema preemstvennosti kul'turnoi traditsii pri dinastii Yuan'. // Rol' traditsii v istorii i kul'ture Kitaya / Pod red. L. Vasil'eva. М.: Nauka, 1972. S. 276–308.
32. Sorokin V.F. Kitaiskaya klassicheskaya drama XIII – XIV vv. М.: Nauka, 1979. 334 s.
33. Eremeev V.E. Tszin'-yuan'skaya reforma v traditsionnoi kitaiskoi meditsine // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. Materialy 41 nauchnoi konferentsii / Pod red. A.A. Bokshchanina. М.: Vostochnaya literatura, 2011. S. 145–148.
34. Ratchnevsky P. Zur Bedeutung des Mongolensturmes für China // Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. 9. Berlin, 1959. S. 113–117.